H. A. Martirosyan and S. K. Mezhlumyan, Некоторые археологические данные об урартской медицине [Some Archaeological Data about Urartian Medicine], *Patma-banasirakan handes* 1(1972), pp. 235-252, in 18 pdf pages.

НЕКОТОРЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ УРАРТСКОЙ МЕДИЦИНЕ

С. К. МЕЖЛУМЯН, А. А. МАРТИРОСЯН

В конце первой четверти VIII в. до н. э. на восточной окраине внутреннего города Аргиштихинили, рядом с мощной каменной оградой, был возведен небольшой домик (дом № 1) на самой высокой точке третьего квартала, на гладкой макушке базальтового вулканического конуса. Он отличался от соседних домов не только своим выгодным расположением, но и строго квадратным планом, размерами занимаемой площади (ок. 400 м²), аккуратно сложенными большими базальтовыми квадратами цокольных кладок и очень четкой внутренней планировкой. Состоял он из девяти, плохо сохранившихся, больших и малых помещений разного назначения. Из них особо отличались весьма просторные жилые покои (пом. № 5—6, соответственно по 30 м²), наделенные некогда высокими деревянными колоннами, поддерживавшими громоздкие плоские кровли с конусовидными световыми колодцами. Под этими колодцами на полу были устроены центральные очаги квадратных или овальных очертаний, а у стен—невысокие широкие ложи и узенькие приступочки, сделанные из камня и глины. Менее значительные площади занимали служебные и складские комнаты (пом. № 1—3, 7—9).

Люди урартской крови, вероятно довольно знатные и состоятельные, жили в этом доме около двухсот лет, вплоть до гибели Аргиштихинили и всего царства Урарту в результате дикого скифо-мидийского штурма, последовавшего в начале VI столетия до н. э.

При осаде и штурме города Аргиштихинили вместе с сотнями других домов был ограблен, разрушен и сожжен и описанный особняк третьего квартала. Богатства его были увезены завоевателями, и к моменту раскопок (1965 г., руководитель участка А. Г. Кифишин) сохранились лишь руины цокольных кладок стен и полуметровый культурный слой, состоящий из кирпичей рухнувших верхних частей стен, остатков кровли-полуобгоревших балок, жердей, камыша, соломы, угольков и золы. Под этим слоем в дверном проеме помещения № 2 были выявлены кости скелета и черепа женщины (с бусами и раковинами каури), по-видимому, одной из обитательниц этого дома и последней свидетельницы катастрофы родного города. Остальные жильцы дома, вместе со многими горожанами, спаслись бегством, скрылись во мраке веков, не оставив за собою никаких записей о роде и имени своем, о жизни, делах и профессии. Под мощными остатками обвалившейся кровли на глинобитном полу разных помещений сохранились лишь

части скелетов трудноразличимых животных и сильно раздробленные фрагменты обычной урартской керамической тары—одноручных кувшинов охра-красного ангоба, замечательных красно-ангобированных фиал, мисок и других сосудов. Среди столь банального, «рядового» материала внимание наше приковала группа миниатюрных сосудиков характерно урартских форм, но чрезвычайно мелких размеров, обнаруженных в служебных помещениях № 1 и № 2 в количестве 40.

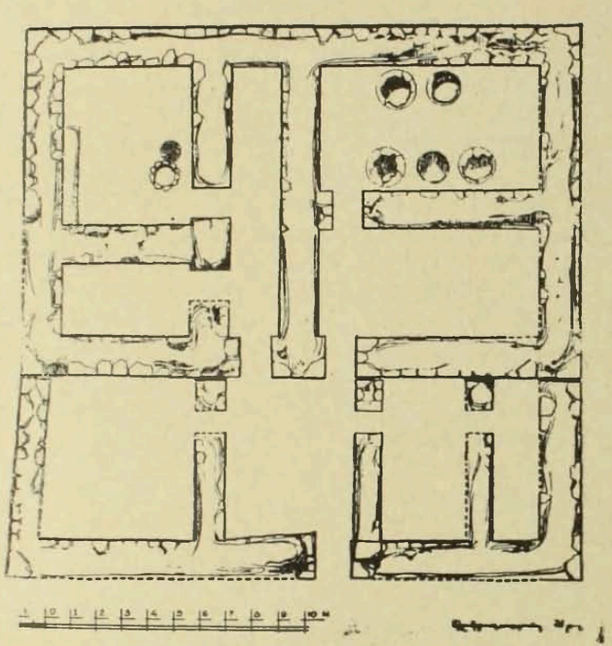

Рис. 1. «Дом врачевателя» в Аргиштихинили.

Подобный состав сосудов никогда более не был встречен при обследовании урартских объектов. Сосудики эти разделялись на пять специфических групп. Чашечек с профилированными венчиками, вогнутыми или углубленными донышками было наибольшее количество. Диаметр их колеблется от 5 до 8.5 см, высота—от 2 до 4 см. Такую же большую серию образуют и приземистые, широкогорлые горшочки, с низкоотогнутыми венчиками и горизонтальными врезными линиями на плечиках. Размеры их тоже почти стандартны: высота—5—5.5 см, наибольший диаметр корпуса—6—7 см, диаметр горлышка—5—5.5 см. Следующая группа маленьких горшочков также имеет стандартные размеры (высота—5,5—7.5 см, диаметр тулова 5—6 см, диаметр горлышка от 2.5 до 4 см и диаметр донышек—2 см), но отличается узким и высоким горлышком, приземистым или вытянуто-биконическим корпусом.

В описываемой группе специализированных сосудиков меньшее количество составляли одноручные кувшинчики характерного урартского типа с высоким горлышком и сливом. Высота их составляет 6—7 см, диаметр тулова—5—6 см, диаметр донышек—1.5—2 см, высота и диаметр горлышек—2—2.5 см. Последняя группа состояла из незначительного числа сильно фрагментированных, миниатюрных двуручных кубков, крупные аналоги которых являлись, несомненно, ритуальными.

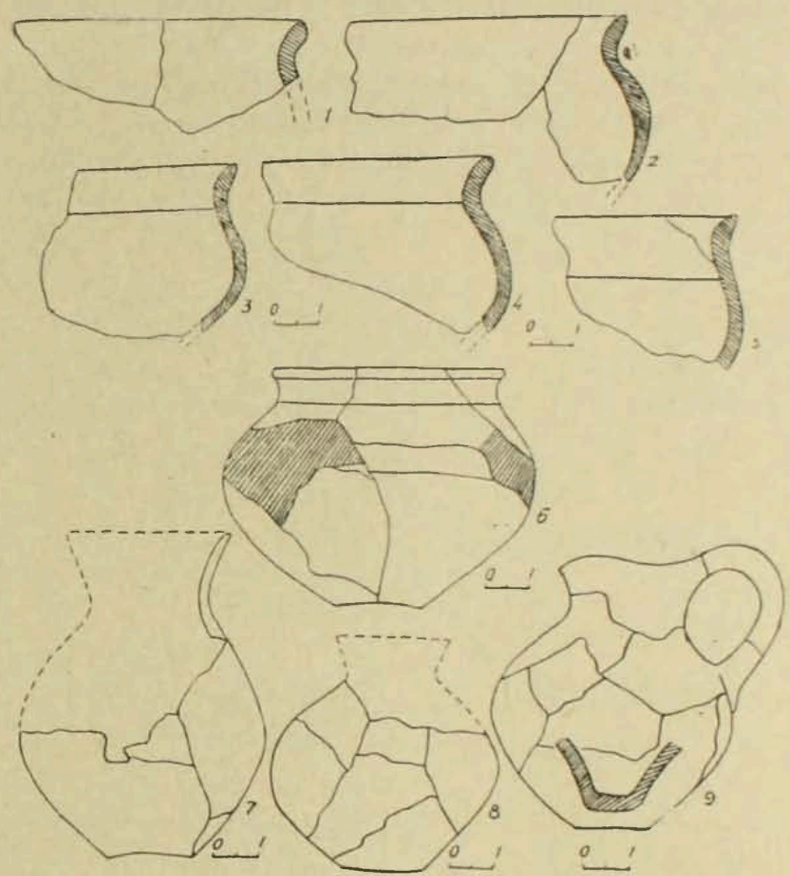

Рис. 2. Разнообразные горшочки и кувшинчики из «дома врачевателя».

Очевидно, что описанные разновидные сосудики не могли служить кухонной, столовой посудой, хозяйственной тарой, а были предназначены для изготовления и хранения веществ особого назначения, незначительных, но весьма определенных доз, каковыми могли быть, например, всевозможные благовония, мази, лекарственные зелья. На этом основании, еще в 1967 году[1] было выдвинуто предположение о принадлежности дома № 1 третьего квартала жрецу-врачевателю, человеку специфической профессии, достигшей значительных успехов и пользовавшей-

[1] См. А. А. Мартиросян, Раскопки Аргиштихинили, «Советская археология», 1967, № 4, стр. 229.

ся особым уважением на древнем Востоке. Выявление археологических следов народной медицины, возникшей в глубинных недрах первобытной эпохи, было делом весьма заманчивым и рискованным. Для надлежащей аргументации (или для опровержения) выдвинутого предположения не было решительно никаких данных, кроме упомянутых выше костных остатков явно не хозяйственных видов животных, выявленных в «доме врачевателя». Определенные органы или части животных, содержащихся в свое время в доме № 1, могли быть использованы для изготовления разнообразнейших лекарственных средств. При детальном ис-

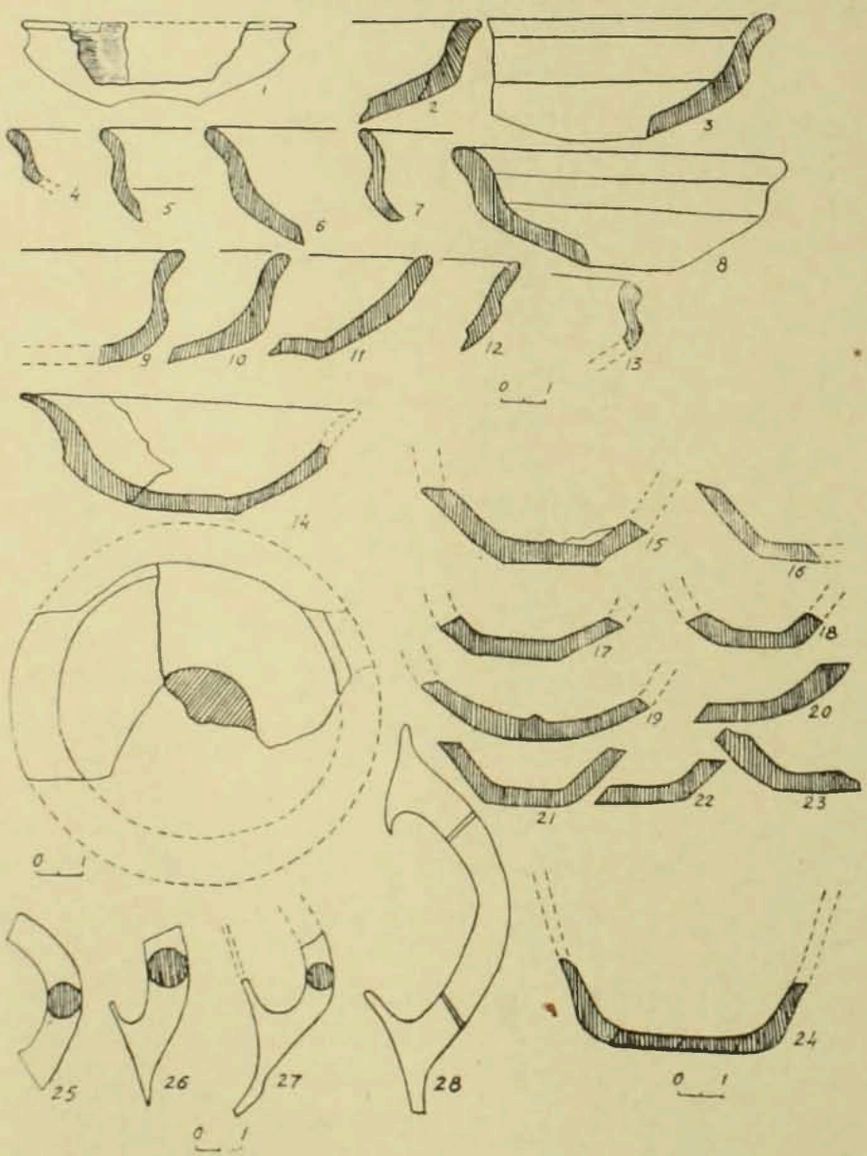

Рис. 3. Чашечки и ручки кубков из «дома врачевателя»

следовании упомянутого остеологического материала и целого ряда вспомогательных сведений были получены чрезвычайно интересные и важные данные, свидетельствующие в пользу выдвинутого предположения.

Нижеприводимая сводка данных по палеозоологическому материалу выглядит следующим образом.

При разборе остеологического материала выяснилось, что из 20 видов диких животных, найденных в раскопках города Аргиштихинили, 16 видов обнаружены в помещениях дома № 1. С аналогичным явлением нам не приходилось сталкиваться ни в одном из изученных объектов. Из приведенной таблицы видно, насколько богат и качественно разнороден состав животных.

Наличие костных остатков слепца, черепахи, ежа, речного бобра, волчонка, ворона и других животных позволяет утверждать, что их использование выходит за рамки хозяйственного и охотничье-промыслового значения.

Список животных, найденных в доме № 1

Вид животного	Количество костей	Число особей	Примечания
Джейран	5	4	Пять роговых стержней
Безоаровый козел	2	1	Роговые стержни
Муфлон	1	1	Фрагмент черепа и роговые стержни
Олень	1	1	Часть рога
Лисица	1	1	Обломок левой нижней челюсти с клыком
Барсук	1	1	Левая ветвь нижней челюсти
Волчонок	1	1	Обломок верхней челюсти с тремя зубами (левый)
Заяц	1	1	Нижняя челюсть с зубами (правая)
Речной бобр	1	1	Фрагмент нижней челюсти с одним зубом
Еж (обыкновенный)	2	1	Две кости конечностей
Черепаха	3	1	Обломки панциря
Слепец	1	1	Обломок левой нижней челюсти
Рыба (сазан)	1	1	Нижнечелюстная кость с глоточными зубами
Рыба (форель)	3	1	Два элемента черепа и позвонок
Дрофа	1	1	Фрагмент черепа
Ворон	29	1	Фрагменты черепа и скелета
Пустельга	2	1	Фрагменты скелета
Гусь (домашний или дикий)	2	1	Кости конечностей
Утка серая	2	1	Кости конечностей
Петух*	18	1	Фрагменты черепа и скелета
Свинья (поросята)	14	3	Фрагменты черепов и позвонки

* Кости птиц определены Н. И. Бурчак-Абрамовичем.

Речной бобр — Castor fiber L. О наличии и промысле этого зверька свидетельствуют находки остеологических остатков на Шенгавитском поселении III тысячелетия до н. э. и в доме врачевателя в Аргиштихинили. Как явствует из литературных данных, зверек этот обитал в Армении, Турции и Иране до последних времен[2]. Бобры — животные, ведущие полуводный образ жизни. Населяют они берега медленно текущих рек и озер, избегая широких и быстро текущих рек, а также промерзающих до дна водоемов. Зимой бобры редко выходят из убежищ, питаясь заготовленным с осени древесным кормом.

Приведенный небольшой обзор позволяет полагать, что обитание бобров на Араксе, а может быть, и в районе Мецамора, весьма вероятно. Эти места располагались в радиусе от 5 до 16 км от Аргиштихинили, и жители последнего находили бобров недалеко от городских хозяйств. Известно, что помимо ценного меха речной бобр имет не менее ценную «бобровую струю»—мускус (экстракт особой придаточной железы, встречающийся у обоих полов), употреблявшийся в медицине с древних времен. В прошлом мускус широко использовался в восточной и европейской медицине. Возможно, что в древности он использовался также при изготовлении благовоний. Ведь само слово «мускус» происходит от персидского слова «мушк» именно в значении благовонного и закрепляющего средства[3]. Позже он стал применяться в парфюмерии в качестве естественного закрепителя запахов при изготовлении драгоценных духов.

Бобровая струя, по-видимому, широко использовалась в античное время и «определяется в армянском, как и во всех европейских языках, греческим термином «афродитикон», т. е. опять-таки имеется в виду лекарство возбуждающее, прописываемое при общем упадке сил»[4].

Бобровая струя в армянских средневековых медицинских трудах упоминается под названием «яички бобра». В древности половые железы бобра обычно хранились в высушенном виде. Армянские врачи в прошлом применяли бобровую струю при нервных и психических болезнях, при ослаблении памяти, как тонизирующее и возбуждающее средство. Ни одно лекарство животного происхождения не приводится у Амирдовлата Амасийского так часто, как бобровая струя. Последнюю он рекомендует при головокружении и «расточении сил», для усиления «половой близости»[5] и «активации мозга»[6].

Будучи великолепным знатоком арабской и персидской медицины, он приводит также высказывания «персидского бжшкапета», («главы врачей»), который рекомендует мускус как возбуждающий продукт. Ес-

---

[2] И. Шопен, Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи, СПб., 1852.

[3] В. Г. Гептнер, А. А. Насимович, А. Г. Банников, Млекопитающие Советского Союза, т. I, М., 1961, стр. 97.

[4] И. А. Орбели, Избранные труды, т. I, М., 1968, стр. 288.

[5] *Ամիրտովլաթ Ամասիացի, Անգիտաց անպէտ, Վիեննա, 1926,* стр. 368, § 2166.

[6] Там же, стр. 370.

ли в трудах Амирдовлата приводится свыше 150 названий животных, являющихся основой для приготовления лекарственных веществ, то большая часть упоминаемых в труде Мхитара Гераци лекарственных средств является веществами растительного происхождения (свыше 200) и лишь некоторые — животного происхождения. И в этом немногочисленном списке упоминаются: бобровая струя, паутина, раки, черепахи и жженные кости молодого поросенка.

Эта тема просачивается и в народные сказания и находит отражение в средневековых баснях, которые, несомненно, ходили в народе еще в языческие времена. Так, например:

«Иные упрекали бобра: «Почему ты прячешься в воду?

И он сказал: «Потому что [люди] не довольствуются тем, что берут при жизни от меня железы, но и после смерти сдирают с меня шкуру»[7].

Ту же тему врачевания и лекарственных снадобий затрагивает в баснях Вардан Айгекци: «Водится зверь, яйца которого целебное средство. Когда он видит, что охотник настигает его, то он своими зубами отрывает у себя яйца и, бросив их охотнику, спасается»[8].

Разбирая басню, Н. Я. Марр пишет: «Нет, конечно, основания предполагать в данном случае влияние Эзопа только потому, что в сборнике его басен имеется 189 Halmi с аналогичным содержанием, если исключить правоучения». Здесь же следует упомянуть, что статья с аналогичным содержанием имеется в «Физиологе»[9].

Черепаха — Clemmys caspica Gm. Вид этот в Армянской ССР обитает в реке Аракс, от Мегринского до Октемберянского районов, т. е. до района расположения древнего города Аргиштихинили. Вверх по притокам Аракса эти черепахи зарегистрированы в долине Арпы до 1360 м. Обитают каспийские черепахи в речках, озерах, болотах, канавах и других водоемах.

В общей этнографии первобытных народов не редки упоминания об использовании черепахи в лечебных целях, особенно черепашьей желчи и яиц. Сопоставляя эти данные с армянскими средневековыми источниками, находим довольно подробные и идентичные указания. Достаточно эрудированный армянский врач-биолог сообщает о существовании двух видов черепах: болотной и сухопутной. При этом особенно любопытно, что в качестве материала для приготовления лекарств приводится им именно водная. Он пишет о том, что черепашья кровь при употреблении с вином помогает «при язве» и при «ушной болезни»[10], «яйца—прекращают кашель, а желчь—кровотечение»[11].

Следующим интересным животным, присутствие которого никак не может быть объяснено хозяйственным назначением, является сле-

[7] И. А. Орбели, Избранные труды, т. I, стр. 288.

[8] Н. Я. Марр, Сборники притч Вардана, т. I, СПб., 1899, стр. 188.

[9] Н. Я. Марр, Сборники притч Вардана, т. III. Физиолог (приложение), СПб., 1899, стр. 161, 162.

[10] *Ամիրդովլաթ Ամասիացի*, указ. соч., стр. 558, § 3357.

[11] Там же, стр 538, § 3199.

пец — Spalax leucodon. Зверек этот обитает в зоне горных степей, вертикальное его распространение от 1400 до 2439 м. Он ведет исключительно подземный образ жизни, совершенно не появляется на поверхности; никогда не водится в домах, зерновых амбарах, складских помещениях. Ближайший район, откуда может быть добыт этот зверек,— Талинский.

В средневековой медицине кровь слепца использовалась при туберкулезе, а «мозги, смешанные с розовым маслом», предлагались при «различных опухолях»[12]. Если же «голову слепца зажарить на костре, стереть в порошок и втянуть носом», то моментальнс «удаляется зловоние из носу»[13].

Кстати, в Армении и сейчас в народной медицине часто используется мясо слепца как средство, приостанавливающее кровохарканье при туберкулезе.

Еж — Erinaceus europeus L. Встречается в полупустыне, в горных степях и лугостепях и на участках зоны леса. Обычен в садах и по долинам речек с наличием кустарников и галерейных лесов; отмечен среди посевов зерновых культур и на огородах. Зарегистрирован в вертикальном распространении от 725 до 2450 м. Об употреблении различных органов и желчи ежа имеются многочисленные литературные данные. О лечебных свойствах мяса ежа находим упоминание в знаменитом армянском «Физиологе», где подробная характеристика позволяет узнать в описываемом зверьке именно обыкновенного, а не ушастого ежа; образно говорится, что «при ходьбе морда напоминает мышиную»[14].

Средневековые врачи рекомендовали жженные иглы ежа «против бельма на глазу», мясо—при «заболевании почек» и при «укусе змеи»[15], а желчь, по их убеждению, «приостанавливала нежелательный рост волос»[16]. О лечебных свойствах желчи ежа указанный автор приводит сведения, почерпнутые им из арабской медицины со специальным названием—«мараратыл хунфуз».

Мясо ежа в народной медицине употребляется и сейчас как лекарство при различных ревматических и суставных заболеваниях. Это обстоятельство и легло в основу армянской народной загадки:

«Сам—снадобье,
Спина—игла? (еж)»[17].

Барсук — Meles meles canescens Blanf. В Армении барсуки зарегистрированы в сухих субтропиках, полупустыне, в горной степи, лугостепях и в зоне леса на высоте от 550 до 1750 м. Обитают они в

---

[12] Там же, стр. 225, § 1197.
[13] Там же, стр. 226.
[14] Н. Я. Марр, Сборники притч Вардана, т. III. Физиолог, стр. 156 (16 В).
[15] *Ամիրտովլաթ Ամասիացի*, указ. соч., стр. 311, § 1837.
[16] Там же, стр. 345, § 2014.
[17] *Ս. Բ. Հարությունյան, Հայ ժողովրդական հանելուկներ, Երևան, 1965*, стр. 62.

ущельях, на каменистых равнинах и скалах, в глинистых и песчаных грунтах, в совершенно открытой местности, среди кустарников и в лесах. Они широко расселены в Араратской равнине. В холодное время в Армянской ССР барсуки залегают в кратковременную спячку.

Шкура барсука не представляет особой ценности и промыслового значения не имеет, мясо некоторые народности употребляют в пищу. Очень ценится барсучье сало, и охотятся на барсука главным образом из-за него. Барсучье сало широко используется в народной медицине при ранениях, ревматических заболеваниях и даже при туберкулезе, т. е. аналогично медвежьему[18].

Волчонок и лиса. Найдены остатки очень молодых особей.

Волк — Canis lupus hajastanicus Dahl. В Армении волки распространены повсеместно, от сухих субтропиков и полупустынь до зоны леса и альпийских лугов включительно. Обитают на высоте от 550 до 3800 м. Наибольшее количество волков в Армянской ССР зарегистрировано весной и летом на высокогорье, в местах выпасов и на кочевках крупного и мелкого рогатого скота.

Не зря изображения волков часто встречаются в наскальных рисунках эпохи бронзы на зангезурских летних пастбищах[19].

Волки в качестве пищи вряд ли добывались жителями Аргиштихинили. Шкура их также не представляет особой ценности.

Подробные сведения о применении тех или иных органов волка приводятся в средневековой медицине. Особенно часто упоминается жир волка для лечения внутренних и наружных язв. Экстракт «печени волчицы с красным вином» предлагается против «болей в печени», а «язык волчий с медом снимает длительную лихорадку»[20].

В народе распространено мнение, что печень волка помогает при сильном испуге. Заслуженный врач республики В. А. Чахкалян любезно сообщила нам, что в своей многолетней практике встречала случаи, когда близкие больных туберкулезом кормили их мясом молодых волчиц и собак.

Лисица — Vulpes vulpes L. В Армянской ССР лисицы встречаются в различных ландшафтных зонах и разнообразных местообитаниях. Обычна она в скалах южной части республики в долине Аракса и на скелетных горах бассейна этой реки на высоте от 545 до 2000 м. Особенно часто лисицы поселяются в скалах и глинистых оврагах.

Можно вполне допустить, что лисица могла быть добыта ради пушнины, однако настораживает молодой возраст зверька. Известно, что лисята и волчата рождаются весной, а весенне-летний мех значительно худшего качества и практически не пригоден как пушнина.

---

[18] См. В. Г. Гептнер, Н. П. Наумов, П. Б. Юргенсон и др., Млекопитающие Советского Союза, т. II, М., 1967.

[19] См. А. А. Мартиросян, А. Р. Исраелян, Наскальные изображения Гегамских гор, Ереван, 1971; Г. О. Караханян, П. Г. Сафян, Наскальные изображения Сюника, Ереван, 1970.

[20] *Ամիրտովլաթ Ամասիացի*, указ. соч., стр. 113, § 601.

Остается предположить, что и лисья тушка служила в данном случае сырьем для изготовления различных лекарственных веществ. Лисий жир употребляется в народной медицине от «болей в суставах», а «высушенные и мелко просеянные легкие лисы» использовались при «чахотке и сильном кашле»[21]. «Растопленный теплый жир» (если капать в ухо) снимает «шум и тяжесть в ушах»[22]. Любопытно также, что мясо молодого лисенка (целиком) советуют сварить до полного разваривания и положить на те части, где «чувствуется боль в костях»[23].

Заяц — Lepus europeus Pall. Заяц в Армянской ССР распространен повсеместно (кроме центральных участков леса, альпийской зоны и сплошных массивов скал). По вертикали обитает на высоте от 600 до 3045 м.

Относительно применения различных частей зайца как лечебных снадобий сохранилось множество данных в источниках армянской народной медицины. «Заячья желчь», смешанная с мукой, смолой и вином,— пишет Амирдовлат,— является «идеальным средством при хронической бессонице»[24]. «Заячий жир предохраняет волос от выпадения»[25]. Измельченный, превращенный в порошок жженный волос зайца «приостанавливает кровотечение из носа»[26], а кровь, выпитая женщиной, «способствует зачатию и укреплению зародыша»[27].

Рыбы представлены в интересующем нас материале двумя видами — сазан и форель.

Первый — Cyprinus carpio L. В Армянской ССР встречается в Араксе, Севджуре, в низовьях рек Раздан, Ахурян и главным образом в бассейне озера Арпи-лич. С наступлением заморозков сазаны залегают в ямы на дне водоемов и здесь находятся в оцепенении до весны.

Второй вид рыбы трудно определить по сохранившимся остаткам— относится ли он к севанской форели или ручьевой. Последняя встречается почти во всех речках, особенно в верхних участках их бассейнов. Наиболее благоприятные условия обитания ручьевая форель находит в воде при температуре до 15°. Так что наличие этих рыб в реках ближайших к Аргиштихинили районов весьма вероятно.

В народной медицине рыбы широко применялись для лечения различных болезней. Средневековым медикам Мхитару Гераци и Амирдовлату был известен рыбий жир, называемый у них «ձուկի ձեթ», который рекомендовался женщинам «для усиления половой близости и верного зачатия»[28], а мелкая ручьевая рыба, промолотая вместе с костями, «снимает опухоли»[29]. Излечить от однодневной лихорадки может «теп-

21 Там же, стр. 44, § 93.
22 Там же.
23 Там же.
24 Там же, стр. 345, § 2015.
25 Там же, стр. 491, § 2941.
26 Там же, стр. 544, § 3236.
27 Там же, стр. 91, 92, § 500.
28 Там же, стр. 276, § 1606.
29 Там же, стр. 277.

лая ванна и свежая речная рыба, только та, которая имеет нежное мясо, а не грубое и клейкое»[30]. И в наши дни знахари применяют свежую рыбу при вывихе, трещинах и переломах костей конечностей, заменяя ею еще и фиксирующую гипсовую повязку.

Дрофа — Otis tarda tarda L. В Армянской ССР зарегистрирована во время пролета и частично на зимовках. Осенью на пролете ее бывает, по словам охотников, довольно много в Сардарабадской степи. Как летняя птица в Армении не наблюдалась[31].

Это единственный район, откуда дрофа могла добываться жителями Аргиштихинили. В армянской средневековой медицинской литературе приводится арабское название этой птицы «Հուպարդ», чем подчеркивается ее широкое применение в арабской медицине. Против «непрекращающихся резей в желудке» предлагалось растереть жир дрофы в равном количестве с солью и принять «пилюлю, величиной с горошину, натощак»; высушенную и мелко просеянную кожу дрофы, смешанную с растительным маслом, прикладывали к глазу, «если начиналось помутнение глаза»; растопленный жир применялся при обмораживании[32].

Ворон — Corvus corax L. Остатки этой птицы принадлежат взрослой особи. В Армении они отмечены в северных лесных районах и в горно-лесных ландшафтах юго-востока республики вплоть до Кафанского и Мегринского районов. Наиболее низко в гнездовое время зарегистрирован на уровне 640 м. Высшая точка в вертикальном распространении доходит до 3000 м высоты. Поселяются вороны в различных местообитаниях. Гнезда устраивают в нишах высоких скал, на вершинах старых деревьев и изредка на высоких башнях. Питаются вороны растительной и животной пищей, предпочитают падаль и различные отбросы. Следует отметить, что птица эта в нашей республике довольно редка.

Средневековые медицинские трактаты упоминают также и ворона—как продукт для приготовления лечебных средств; особенно любопытным является упоминание о том, что «лучше, когда птица очень черная»[33] (такую окраску приобретают лишь взрослые особи).

Вороньи ножки, сваренные в оливковом масле, рекомендовались при «острых болях в области спины, поясницы и голени». А сваренные в воде и охлажденные ножки советовали класть на открытые наружные раны, «дабы они иссушились»[34].

Пустельга (сокол)—Falco tinunculus L. В Армении широко распространена оседлая птица, встречающаяся и гнездящаяся как в бо-

---

30 Мхитар Гераци, Утешение при лихорадках, Ереван, 1968, стр. 86 и 191.

31 А. Ляйстер, Г. Сосинн, Материалы по орнитофауне Армянской ССР, Тбилиси, 1942, стр. 141.

32 Ամիրդովլաթ Ամասիացի, указ. соч., стр. 272, § 1582.

33 Там же, стр. 355, § 2076.

34 Там же, стр. 165, § 845.

лее низких районах, так и в горах до высоты 3000—3500 м над уровнем моря. Размножается пустельга в долине Аракса в мае-июне. Гнездится на деревьях, в скалах, на различных строениях и, реже, на земле, по безлесным оврагам.

Народная медицина, по-видимому, широко применяла как мясо, так и отдельные внутренние органы различных соколиных. Высушенное и мелко протертое мясо пустельги предлагалось принимать натощак, запивая холодной водой «для прекращения кашля» и при «слабой работе сердца». А если печень «протереть в руке и провести по глазам—улучшится зрение и пройдет помутнение»[35].

Чрезвычайно интересно применение и сейчас у эскимосов и нанайцев мяса пустельги и других мелких соколиных—оно аналогично применению нашими знахарями рыбы (см. стр. 245).

Гусь (домашний или дикий) — Anser anse L. В Армянской ССР серые гуси гнездятся на Севане и в небольшом количестве в бассейне озера Арпи-лич. На пролете обычны в долине Аракса. В мае серые гуси гнездятся в заболоченных местах различных типов водоемов (среди густых зарослей тростника, камыша и другой водно-болотной растительности).

Гусиное мясо, печень и жир еще издавна считались целебными. Средневековые врачи рекомендовали гусиное мясо очень истощенным, худым. Считалось, что оно улучшает голос и цвет лица, а печень «оздоровляет кровь» «Растопленный гусиный жир—снимает боль и шум в ушах, а также «исцеляет от болей в суставах»[36] и помогает при обмораживании. Значение последнего и по сей день велико, жир гусей применяется повсеместно как профилактическое средство, особенно у северных народов.

Серая утка — Anas strepera L. В Армении держится оседло и встречается почти на всех более или менее значительных водоемах (Севан, Арпи-лич, Айгер-лич, Аракс и др.). В наших условиях гнездится в июне.

В средневековой медицине мясо, жир и печень утки имели то же применение, как и таковые гуся, однако считалось, что «кровь утки приостанавливает длительный понос» и, что особенно важно, «нейтрализует действие ранее принятой смертельной дозы лекарства»[37].

Домашний петух—Gallus domesticus. Найдены кости скелета очень взрослой особи. Весьма удивительно, что эндокринология, процветающая в современной нам биологии, дает о себе знать в средневековой медицине и даже много раньше, в V веке н. э. у Казара Парбеци[38].

Дело в том, что в то время уже было известно, что семенники петуха и теленка «прибавляют семя», «усиливают зачатие», «укрепляют за-

---

35 Там же, стр. 520, § 3088.

36 Там же, стр. 556, 557, § 3345.

37 Ամիրովլաթ Ամասիացի, указ. соч., стр. 557, § 3345.

38 Ա. Գ. Տեր-Պողոսյան, Բիոլոգիական մտքի զարգացումը Հայաստանում, Երևան, 1960, стр. 100

родыш», «оживляют и усиливают половую силу», т. е. оказывают то действие, которое в наши дни доказано опытами многих ученых.

Известно, как нашумели в последней четверти XIX столетия опыты знаменитого ученого-физиолога Броун-Секара по «омолаживанию». В 20-е годы нашего столетия немецкий ученый Штайнбах в Вене и русский ученый Воронов в Париже своими интересными опытами снова вернулись к этой, преданной забвению проблеме.

Переходя к описанию четырех видов копытных животных, останки которых обнаружены в указанном доме (олень, муфлон, безоар и джейран), отметим, что все они, за исключением джейрана, представлены костными остатками одной особи. Найденные рога перечисленных животных тщательно отпилены у основания.

Олень — Cervus elaphus caucasicus L. Вид этот ныне отсутствует на нашей территории. Еще в недалеком прошлом кавказский благородный олень встречался и был широко распространен в лесах северной, восточной и южной Армении. Местонахождения ископаемых и субфоссильных остатков, а также многочисленные их изображения в петроглифах и на бронзовых поясах первобытной Армении свидетельствуют о весьма широком распространении данного вида. Питается он в основном древесным и кустарниковым кормом.

Олень издавна известен как ценное промысловое животное, его добывали также для получения лекарственных веществ.

Желчь многих животных имела широкое применение в древней и средневековой медицине; одной из наиболее эффективных считалась оленья желчь. Она входила в состав слабительных лекарственных смесей, различных мазей, применявшихся для лечения трудно заживающих язв. Экстракт оленьей желчи применялся в медицине вплоть до XIX века. Подробные описания в средневековой литературе внешнего вида, привычек, мест обитания и многих других признаков копытных животных, те или иные органы которых шли на изготовление лекарств, позволяют судить, о каком виде животного идет речь в каждом конкретном случае. Мхитар Гераци при чахотке с кровохарканьем, в случае нобходимости, как слабительное средство рекомендует «вытяжку из желчи»[39].

Амирдовлат, говоря устами «сына Синая», утверждает, что полезно «высушить половые члены оленя, растолочь, смешать с вином и выпить—усилится половая близость»[40]. Эти данные великолепно увязываются с распространенным и в наши дни использованием некоторых атрибутов оленя в медицине. Известно, что добывают оленя и в наши дни не ради мяса, а в основном из-за пант, окостеневших рогов и других частей тела. В частности, хвосты и половые члены самцов «пырки» и «лутаи» используются в некоторых районах СССР (эвенками, нанайцами и др.) как возбуждающее средство, при родах и в качестве лечеб-

39 Мхитар Гераци, указ. соч., стр. 136.

40 Ամիրդովլաթ Ամասիացի, указ. соч., стр. 38, § 49.

ных препаратов от различных недугов (сердечные и половые заболевания, малярия и др.)[41]. Что касается использования окостеневших рогов, то последние у оленей, равно как и у трех остальных видов (муфлон, безоар и джейран), имеют почти идентичное применение.

Горный баран, муфлон—Ovis gmelini Bl. На нашей территории зарегистрирован по склонам отрогов Зангезурского хребта, далее на запад он встречается на Айоцдзорском и Урцском хребтах. Распространение по вертикали—от 700 до 3130 м. Муфлоны совершают сезонные миграции: летом они пасутся на горно-степных участках скелетных гор, зимой спускаются ниже—к подножию хребтов, вплоть до равнин в долине среднего течения реки Аракс.

Джейран — Gazella subgutturosa Guld. Типичный обитатель открытых полупустынь, но предпочитает местности с плотным грунтом: избегает сильно каменистых участков. В поисках лучших пастбищ, не покрытых снегом, джейраны совершают регулярные сезонные миграции, протяженностью иногда в сотни километров.

Имеются указания о существовании джейранов в долине среднего Аракса еще в середине прошлого столетия[42]. Очевидно, джейраны здесь были уничтожены на загонных охотах лишь во второй половине прошлого столетия. Первые находки остатков джейрана были сделаны на стоянке каменного века Ереванской пещеры, затем в урартских городах Тейшебаини и Аргиштихинили. Все три находки зарегистрированы на Араратской равнине.

Безоаровый козел — Capra aegagrus Erxl. В Армянской ССР встречается на скальных массивах Зангезурского хребта. Обитает на высоте от 500 до 3200 м. Типичным местообитанием безоаровых козлов являются скалистые массивы, каменистые россыпи на склонах скелетных гор с изреженной древесной растительностью. В холодное время года безоаровые козлы из высокогорных районов спускаются на скалы нижерасположенных массивов. В прошлом они были довольно широко расселены. Не случайно, что тысячи изображений безоаровых козлов встречаются именно в наскальных изображениях горных массивов Арагаца, Зангезура, Гегамских гор и других возвышенностей Армянского нагорья.

Промышляется безоаровый козел из-за мяса, шкуры и окостеневших рогов.

Рога оленей, джейранов, сайгаков и безоаровых козлов в дореволюционные годы шли на экспорт в Китай (использовались в «тибетской медицине»)[43]. Очень широко использовались рога в нашей народной медицине. Пережженные и мелко просеянные рога, растворенные в рас-

---

[41] См. В. Г. Гептнер, А. А. Насимович, А. Г. Банников, Млекопитающие Советского Союза, т. I.

[42] См. И. Шопен, указ. соч.

[43] В. Г. Гептнер, А. А. Насимович, А. Г. Банников, Млекопитающие Советского Союза, т. I, стр. 170.

тительном масле, рекомендовались как лекарство больным активным туберкулезом, а также женщинам для «облегчения родов» и при многих других болезнях[44].

Народная медицина широко использовала жир дикого козла в качестве средства против длительных запоров, а жир, смешанный в равном количестве с рисовой мукой,—против наружных опухолей; «жженные копытца с растительным маслом»—для лечения «трудно заживающих язв»[45].

Безоаровый козел обязан своим названием магическому средству, называемому «безоар», который чрезвычайно высоко ценился в Передней Азии и Европе в средние века и даже в более позднее время и представлял собой находимые в желудке минерализированные отложения пищи и случайно попавшей шерсти вокруг камешка, плодовой косточки и т. д. «Безоар» считался магическим «камнем», помогавшим при бесплодии, а также при отравлении. На Руси он назывался «безуй» или «безуй-камень» и ему приписывались те же свойства; «едва безуем отлизался»—писал патриарх Никон царю Алексею Михайловичу, жалуясь, что его кто-то пытался отравить[46].

И, наконец, несколько слов о наличии среди описанных остатков диких животных фрагментов черепов трех особей домашних молочных поросят.

Обращаясь к народной медицине, трудно найти какое-либо домашнее животное, которое имело бы такое широкое применение, как свинья. Небезынтересен и тот факт, что кроме использования тех или иных органов в медицине впервые описывается употребление жира и жженных костей свиньи в качестве косметических средств.

Если «несколько поддержанное сало молодой свиньи приложить к глазам», последние приобретут блеск; или: порошок, полученный от жженных костей опять же молодой свиньи, «придаст ослепительную белизну зубам»[47]. Если «кости молочной свиньи сжечь и посыпать им раны—они иссушатся», «жир поможет ожоговым язвам» и от укуса скорпиона»[48], а желчь, «приготовленная с медом и перцем, будет способствовать росту волос»[49] и «залечит язвы кишок»[50]. Моча молодого самца «растворит камень»[51]. Таков далеко не полный перечень всех лекарственных средств, основой для которых служат молодые свиньи.

---

[44] См. *Ամիրտովլաի Ամասիացի*, указ. соч., стр. 314—315, § 1859.

[45] Там же, стр. 342, 343, § 2000.

[46] В. Г. Гептнер, А. А. Насимович, А. Г. Банников, Млекопитающие Советского Союза, т. I, стр. 533.

[47] *Ամիրտովլաի Ամասիացի*, указ. соч., стр. 222, § 1169.

[48] Там же, стр. 192, § 976.

[49] Там же, стр. 344, § 2008.

[50] Там же, стр. 421, § 2467.

[51] Там же, стр. 465, § 2759.

Из анализа вышерассмотренных материалов видно, что при раскопках дома № 1 третьего квартала был выявлен состав животных явно не хозяйственного, в большинстве случаев даже не промыслового назначения. Очевидно, в данном случае представлен весьма специфический состав животных, предназначенных для изготовления различных лекарственных средств и снадобий, каковые очень широко применялись в эпоху первобытности, складывания раннеклассовых обществ и на протяжении всего средневековья. Сохранение и развитие глубоких традиций народной медицины видно хотя бы из того, что некоторые из приведенных выше лекарственных средств общи как для народов древнего Востока и средневекового населения на обширных территориях Азии, Африки и Европы, так и для современных примитивных племен. К сожалению, остатки упомянутых средств или какие-либо клинописные документы относительно их изготовления не сохранились. Однако то обстоятельство, что материал урартской эпохи прямо и тесно увязывается с фольклорными данными, с современной народной медициной и с научными медицинскими трактатами Армении, созданными на основе тысячелетнего опыта и использования передовых медицинских идей Востока, уже указывает на непрерывность развития врачевания в Армении, корни которого восходят, возможно, к палеолиту.

При исследовании материала мы вынужденно прибегали к трудам Амирдовлата, поскольку в них имеются данные, предоставляющие широкие возможности для сопоставления и правильного осмысливания. Однако отдельные сведения о тех или иных лекарственных веществах, имеющих животную и растительную основу, находим в самых ранних армянских письменных источниках.

Совершенно очевидно, что и в интересующем нас случае урартскому врачевателю не в меньшей мере были известны также различные лекарственные средства, снадобья и зелья, приготовляемые из растений, трав, цветов, плодов и кореньев, поскольку они более известны и наиболее широко употребляемы.

К сожалению, растительные остатки не выдерживают испытания временем и до нас не дошли.

Ограничиваясь лишь некоторыми наблюдениями, соображениями и догадками, опасаясь специальной детализации работы, мы не упомянули и десятой доли известного материала. Однако и приведенные данные позволяют отметить, что уже в начале I тысячелетия до н. э. люди изобретали или совершенствовали средства против таких заболеваний, как общее недомогание, вялость, болезни почек, легких, органов внутренней секреции, слуховых и дыхательных органов, против малярии, «упорной» лихорадки и прочих болезней. Однако, как видно, в народной медицине древнейших времен обращалось самое большое внимание на средства, укрепляющие материнский организм, мужскую силу и человеческий зародыш. Это все связано с первобытной универсальной идеологией плодородия, продолжения, обновления и увеличения поколений.

Роль народной медицины была настолько велика, что ее достижениями пользуются и поныне в современной медицине, наравне с синтезированными препаратами. Не вызывают сомнения и факты наличия особых средств лечения и профилактики у многих, ныне весьма отсталых народностей Тибета, Индии и других районов, которые, к счастью, избежали таких коварных заболеваний, как злокачественные опухоли, цинга и др.

Этой маленькой статьей, скромными догадками хотелось бы еще раз вызвать интерес к огромному наследию народной медицины, все еще не достаточно изученной и оцененной, а внимание археологов—к добросовестному отношению к материалам всякого рода.

ՀՆԱԴԻՏԱԿԱՆ ՄԻ ՔԱՆԻ ՏՎՅԱԼՆԵՐ ՈՒՐԱՐՏԱԿԱՆ ԲԺՇԿՈՒԹՅԱՆ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ

Ս. Կ. ՄԵՀԼՈՒՄՅԱՆ, Հ. Ա. ՄԱՐՏԻՐՈՍՅԱՆ

(Ամփոփում)

1965 թ. ամռանը Արգիշտիխինիլի քաղաքի ներքին մասում պեղվեց մի մեծ առանձնատուն, որը բալանվել, այրվել ու ավերվել էր քաղաքի կործանման պահին։ Առանձնատան շքեղ կարասինների փոխարեն, երկու սենյակների մեջ, պահպանվել էին փոքրիկ սրվակների, թասիկների, սափորիկների և մասնագիտացված, գողավորված անոթիկների 40 նմուշներ, որոնք բաժանվում էին 4 որոշակի խմբերի։ Խեցեղենի այս տիպերը հաղվադեպ են հանդիպում ուրարտական և հին արևելյան հնավայրերում և սովորաբար օգտագործվում են անուշահոտ յուղերի, օծանելիքների, քսուկների, կենդանական ու բուսական նյութերից պատրաստված դեղամիջոցների համար։ Բացի հիշատակված խեցանոթներից, շինության տարբեր սենյակներում հայտնաբերվեցին 20 տեսակ կենդանիների կմախքի մնացորդներ, որոնց մեծ մասը չի պատկանում տնտեսական կամ որսի կենդանիների թվին (կուղբը, «քոռ մուկը», ոզնին, կրիան, գայլի ու աղվեսի ձագերը), իսկ փոքր մասը (նապաստակը, ծածանը, իշխանը, արոսը, բեղոտրյան այծը, մուֆլոնը, ջեյրանը, եղջերուն, խոհակորները), թեև պատկանում է որսի կենդանիների շարքին, սակայն ներկայացված է այնպիսի մնացորդներով, որոնք կիրառվում էին հիմնականում դեղամիջոցներ պատրաստելու համար։ Ուսումնասիրությունը ցույց տվեց, որ այս կենդանիների զանազան մասերից հնում պատրաստել են ամենաբազմազան դեղամիջոցներ թոքային, ուռուցքային, մաշկային և այլ հիվանդություններ բուժելու համար։ Սրանց մեծ մասը օգտագործվում էր հղիության, պտղի, մայրության ամրապնդման ու պահպանման նպատակով, արյունահոսության դեմ և այլն։ Պարզվեց նաև, որ բնական այս դեղամիջոցները հնուց ի վեր գործածվել են նախնադարյան ցեղերի, հին-արևելյան ժողովուրդների կողմից և առանձնապես լայն կերպով՝ միջնադարյան բժշկության մեջ։ Հայաստանում սրանց օգտա-

գործման և հատկությունների մասին առակներ ու հանելուկներ կային, որոնք ցույց են տալիս, թե որքան լայնորեն էին կիրառվում բժշկության այդ միջոցները ժողովրդական կենցաղում։

Նկատի ունենալով վերը շարադրվածը և այն, որ ժողովրդական բժշկության ավանդույթները հազարամյակների պատմություն ունեն, հեղինակները եկել են այն համոզման, որ մ. թ. ա. VIII դարում հիմնադրված Արգիշտիխինիլի քաղաքում ապրել է բժշկող մի քուրմ, որը բավականաչափ լայն դիտելիքներ է ունեցել ինչպես բժշկության, այնպես էլ դեղագործության ասպարեզում։